

УДК 93
ББК 63.3(2)6

КОМИССИЯ СОДЕЙСТВИЯ РАБОТАМ АКАДЕМИИ НАУК СССР: опыты «приручения» академии наук во второй половине 1920-х годов*

В.С. Груздинская

Аннотация. Во второй половине 1920-х гг. в разгар наступления власти на автономию Академии наук при советском Правительстве действовала Комиссия содействия работам Академии наук СССР. В настоящей статье рассматривается аспект деятельности данной институции, связанный с организацией международных научных контактов Академии наук. В ходе исследования было выявлено, что во второй половине 1920-х гг. Академии удавалось сохранять в известных пределах свою независимость. На организационном уровне проявлялась слабая скоординированность работы инстанций, так или иначе связанных с выездом граждан за границу, которая способствовала появлению «лакун» — островков свободы/несвободы. В таких условиях на первый план выходили научные заслуги, мировое признание ученого.

Ключевые слова: Академия наук СССР, Комиссия содействия работам АН СССР, академическая автономия, академический интернационализм, история науки.

310

COMMISSION OF ASSISTANCE TO THE WORK OF THE ACADEMY OF SCIENCES OF THE USSR: Exercises of the "Domestication" of the Academy of Sciences in the Second Half of the 1920s

V.S. Gruzinskaya

Abstract. In the second half of the 1920s in the midst of the onset of power on the autonomy of the Academy of Sciences under the Soviet Government, there was a Commission to assist the work of the Academy of Sciences of the USSR. The article considers the aspect of the activities of this institution related to the organization of international scientific contacts of the Academy of Sciences. The study revealed that in the second half of the 1920s. the

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00397 («Из двух углов: отечественный историографический процесс в оценке эмигрантских и советских историков (1920–1930-е гг.)»).

Academy managed to maintain its independence within certain limits. At the organizational level, there was weak coordination of authorities one way or another connected with the travel of citizens abroad, which contributed to the emergence of “lacunae” — islands of freedom /unfreedom. In such conditions, scientific achievements and the world recognition of the scientist came to the fore.

Keywords: *Academy of Sciences of the USSR, Commission for assistance to the USSR Academy of Sciences, academic autonomy, academic internationalism, history of science.*

В начале XX века отчетливо проявилась тенденция складывания системы международных научных коммуникаций и интеграции отечественных ученых в коммуникативное поле науки. Отражением этого процесса стало участие представителей Российской академии наук в крупных международных форумах. Назовем некоторые из них: Международный географический конгресс (1911, Рим), Международный физиологический конгресс (1913, Гронинген), Международный конгресс исторических наук (1913, Лондон). Также в 1918 г. планировалось провести в Петрограде очередной исторический конгресс. В период Первой мировой войны между учеными стран Антанты завязываются тесные научные связи, в которых были заинтересованы высшие эшелоны власти. В частности, речь идет о сделанном в марте 1916 г. послом Великобритании в Петрограде предложении министру народного просвещения России П.Н. Игнатьеву расширить научные контакты между двумя странами [1, с. 11]. Впоследствии в Российской академии наук появилась специальная Комиссия «для установления более деятельных сношений между Россией и Англи-

ей». Программа сотрудничества включала подготовку англоязычного труда по истории российской науки и культуры, лекции российских ученых в образовательных учреждениях Англии, а также их выступления с докладами на научных съездах и др. [2, с. 896-940]. Однако дальнейшие события отечественной и мировой истории привели к реформатированию научного поля — произошла «коренная реконструкция всей системы международных научных организаций и мероприятий», включавшая в себя поиск новых форм академического интернационализма и воплощения идеи единой мировой науки [3, с. 33].

Применительно к российскому, или, вернее сказать, советскому опыту немаловажным оказался факт реформирования научно-образовательной сферы, затронувший в том числе и Академию наук. Попытки «вписать» дореволюционный академический центр в новую институциональную структуру советской науки пошатнули его былую автономию. 27 июля 1925 г. Академия наук была признана «высшим ученым учреждением СССР», переименована во Всесоюзную Академию наук (в дальнейшем, нами будет использоваться сокращение — АН

СССР) и передана в компетенцию советского правительства. Параллельно с этим шел процесс разработки нового устава данного учреждения, начатый еще в 1923 г. и завершившийся его принятием в 1927 г. Последний менял способ рекрутирования членов Академии наук, устанавливая принцип выборности с обязательной процедурой обсуждения в печати претендентов на «вакантные места» [4, с. 145-146]. Кроме того, устав предусматривал возможность лишить действительного члена должности, «если его деятельность направлена явным образом во вред Союзу ССР» [там же, с. 123]. Другим «наступлением» на свободу в этот период стало увеличение количества академических ставок: 1926 г. оно составляло — 43, в 1927 г. — 72 [5, с. 146], в 1929 г. — 85 [6, с. 120]. Новые штатные единицы предназначались для «нужных» правительству ученых-коммунистов [там же]. Среди академиков отсутствовало единство в оценке этой «сделки», что показал, в частности, эпизод неизбрания в конце 1928 г. в состав Академии наук А.М. Деборина, Н.М. Лукина, В.М. Фриче. Несмотря на решение большинства членов Общего собрания и статьи устава данного учреждения некоторые ее представители обратились в СНК с просьбой разрешить баллотироваться этим кан-

дидатам вновь [там же, с. 122]. Симптоматично высказывание по этому вопросу физиолога И.П. Павлова — в сложившейся ситуации у академиков может быть три отношения: «первое — рабское, лакейское, по принципу „чего изволите?“, второе — благоразумное, или оппортунистическое, вызванное опасениями испортить отношения с правительством, и наконец, третье — принципиальное, подлинно научное» [6, с. 122].

В этих условиях в 1926 г. при советском Правительстве была создана Комиссия содействия научным работам Академии наук СССР, в полномочия которой входило решение «всех вопросов, касающихся АН СССР» [7, с. 544]. Институтация просуществовала до 1929 г. и носила межведомственный характер с участием единственного представителя от Академии наук — неперменного секретаря С.Ф. Ольденбурга. Возглавил Комиссию «старый большевик», председатель ЦИК СССР А.С. Енукидзе. Что касается остальных участников Комиссии, то в источниках фигурируют следующие фамилии: заместитель наркома иностранных дел М.М. Литвинов, управляющий делами СНК Н.П. Горбунов¹, начальник Отдела научных учреждений СНК (далее — ОНУ СНК) Е.П. Воронов, заведующий Агитаци-

¹ Горбунов Николай Петрович (1892–1938) является знаковой фигурой в реализации научной политики советского государства в 1920-х–1930-х гг. Занимая административные должности, курировавшие научную сферу, он проявлял присущее истинному ученому качество — любовь к постижению нового. Последнее, в частности, проявилось в таком его детище, как организация и участие в Памирской экспедиции (1932–1935). В 1935 г. Горбунов был избран неперменным секретарем АН СССР, а в 1937 г. арестован и впоследствии расстрелян. Несмотря на масштаб этой личности его вклад в развитие советской науки первых двух десятилетий до сих пор не исследован в полной мере. За исключением, пожалуй, вступительной статьи биографического плана к подготовленному в 1986 г. сборнику работ Н.П. Горбунова. См. об этом: [8]. Подвигина Е. П. Николай Петрович Горбунов // Н.П. Горбунов. Воспоминания, статьи, документы / Отв. ред. Б. В. Левшин, сост.: А. Н. Горбунов, Г. А. Савина и А. П. Трошина. М.: Наука, 1986. С. 3-41. Попытки воссоздать научную биографию Н.П. Горбунова предпринимались его сыном — физиком-ядерщиком Андреем Николаевичем Горбуновым. Однако ученый не успел завершить работу над книгой в связи с кончиной в 2003 г. [8].

онно-пропагандистским отделом ЦК ВКП (б) А.И. Криницкий, заместитель председателя Президиума Коммунистической Академии В.П. Милютин. Для последнего, заметим, это было не единственное участие в деятельности институций, имевших цель — «приручить» Академию наук².

Деятельность Комиссии содействия работам АН СССР упоминается в исследовательской литературе лишь на уровне фиксации отдельных фактов, преимущественно иллюстрирующих формирование/укрепление международных научных связей АН СССР [5, с. 10-12]. В настоящей статье предпринята попытка комплексного анализа опыта данной институции в сфере организации международного научного сотрудничества.

В 1920-е гг. в Академии наук СССР неоднократно поднимался вопрос о членстве в одной из международных академических организаций, зародившихся на «руинах» Первой мировой войны. В 1918–1919 гг. по инициативе бывших союзников по Антанте был создан Международный союз исследователей (МСИ) и Международный академический союз, в уставе которых оговаривался запрет на участие немецких уче-

ных³. В противовес этим объединениям немецким научным сообществом предпринимались попытки реанимировать действующую до войны Международную ассоциацию академий, привлекая к этому процессу учреждения Советской России. Так, в 1925 г. Венская академия по поручению пяти немецких академий наук обратилась к АН СССР с инициативой восстановить эту организацию. Подчеркивалась преемственность Академии наук СССР с дореволюционной Российской академией, которая была до войны последней «правлящей» в данном объединении [14, л. 73]. В дальнейшем рассмотрение этого предложения было включено в разработанный комиссией план международной научной работы на 1926 г., и сделаны первые шаги по его реализации, правда, в весьма своеобразном варианте [там же, л. 81]. Академия наук СССР избрала компромиссный вариант действий. С одной стороны, поднимался вопрос о вхождении немецких ученых в МСИ⁴, и даже было решено отсрочить «до согласования» с Германией свое вхождение в Союз [3, с. 45]. С другой стороны, в январе 1928 г. члены Комиссии договорились, что следует «вновь поставить перед ино-

² В 1925 г. В.П. Милютин возглавил Комиссию по организации Всесоюзной Академии наук, в 1927 г. — вновь созданную комиссию по рассмотрению отчетного доклада Академии наук СССР за 1925–1926 гг. Последняя, к слову, была создана «с целью изучения вопроса о возможности реорганизации Академии наук» [7, с. 594].

³ Например, в редакции 1919 г. устава МСИ это звучало следующим образом: «Желательно, чтобы державы, воюющие с центральными державами, отказались от существующих договоров, касающихся международных научных ассоциаций, в соответствии с статутами и положениями прежних договоров, как только это позволяют обстоятельства и чтобы новые ассоциации, которые признаются полезными для успеха науки и ее практических применений, были немедленно образованы державами, воюющими с центральными державами (разумеется, особенно Германия и Англия), при возможном содействии нейтральных наций» [13, с. 128].

⁴ В 1926 г. из устава МСИ было исключено положение, ограничившее права стран Тройственного Союза, после чего немецких ученых пригласили присоединиться к работе Союз. Но Германию, имевшую, к слову, не одну, а пять Академий наук не устраивало правило «одна страна — один голос» [12, с. 14-15, 155-163].

странными научными учреждениями <...> вопрос о возобновлении деятельности довоенной Международной ассоциации академий» [там же].

Возникает вопрос, почему все же не были предприняты более решительные шаги? Нежелание ссориться ни с одной из сторон? Безусловно, но не только. Дальнейшая дисциплинаризация провоцировала появление на карте мировой науки узкопрофессиональных научных сообществ и, как следствие, ориентацию ученых на коммуникацию внутри этих групп. Академия вынуждена была считаться с этой тенденцией, и потому принимала решения «точечно». Так, в 1928 г. на заседании Комиссии было «признано возможным участие в деловой работе Международного союза по геодезии и геофизики, Международного астрономического союза, а также Постоянного комитета исторических наук, относящегося к ведению Международного академического союза» [там же, с. 45]. В то же время С.Ф. Ольденбург выражает искреннюю уверенность в том, что несмотря на наметившийся тренд развития международных научных объединений локального типа, обозначившийся после 1918 г. и демонстрирующий «резкий разрыв [прежних научных связей — В.Г.] под влиянием обостренных национальных отношений в связи с войной» [13, с. 128], мировое научное сообщество стоит на пороге «создания новых более широких и более активных форм международного объединения, чем до войны» [там же, с. 131]. Но на пути к этому, по его мнению, главным препятствием станут трудности «национального» плана.

Собственно, нет ничего удивительного в том, что в периоды социальных

трансформаций «национальные» тенденции преобладают над «интернациональными». Ответом на эти центробежные тенденции стали попытки «склеить» разорванное сообщество. В этих условиях немаловажную роль в сохранении и даже завязывании новых международных научных контактов во второй половине 1920-х гг. сыграли авторитетные советские ученые. Так, с целью «прощупать почву» в январе 1928 г. в Париж и Берлин был командирован полярник Р.Л. Самойлович. Причем, как следует из его отчета, Е.П. Воронов поручил ему в Париже «выяснить характер деятельности и общий тип работы Института Интеллектуального объединения при Лиге Наций». В Берлине ученому предстояло убедить президиум «Международного общества по изучению Арктики при помощи воздушного корабля» не только не присоединяться к научным учреждениям при Лиге Наций, но и отказаться от намерения использовать при исследовании Арктики «всякие иные средства», кроме воздушного корабля [15, л. 108]. Заметим, что «миссия» Р.Л. Самойловича изначально была обречена на провал: еще накануне его командировки председатель Общества Ф. Нансен договорился о вхождении возглавляемого им объединения в состав Лиги Наций [там же, л. 102].

Академику С.Ф. Платонову в 1920-х гг. удалось установить прочные связи с Германским обществом изучения Восточной Европы, имевшие благоприятные последствия как лично для ученого, так и для советской исторической науки в целом. Известно, что Сергей Федорович только благодаря персональному приглашению посетить организуемую этим

объединением Неделю советской исторической науки в Берлине в июле 1928 г. получил долгожданную командировку за границу [16, с. 270]. Контакты с Обществом ученых завязал благодаря эмигранту, бывшему декану историко-филологического факультета Петроградского университета, филологу Ф.А. Брауну, который до печально известного «академического дела» состоял в тесной переписке с С.Ф. Платоновым. Как следует из содержания писем, ученые не только вели интеллектуальные беседы, но и обсуждали деловые вопросы, прежде всего касавшиеся издания работ Сергея Федоровича в Германии, посредничество в организации совместной экспедиции в Крыму на Эски-Кермене [17, с. 178]. Последнее предполагало, что несколько немецких ученых, в их числе и сам Ф.А. Браун, присоединятся к экспедиции летом 1929 г. Правда, советская сторона затягивала с решением организационных аспектов этого вопроса. Так, С.Ф. Платонов в личном письме управляющему делами СНК Н.П. Горбунову, датированном 21 июля 1929 г., сетует, что несмотря на достигнутую еще в марте устную договоренность с Е.П. Вороновым об участии немцев в экспедиции, письменного официального подтверждения этого факта не было до конца июня. И далее историк пишет: «говоря от лица Академии я обязан был искать документ. Его отсутствие вызвало особую осторожность в сношениях <...> в течение трех месяцев» [18, л. 1]. В конце концов, дело закончилось участием только одного немецкого археолога.

Другой пример, иллюстрирующий озабоченность имиджем советской науки «на службе у академического интернационализма», представляет жест советского этнографа В.Г. Богораза-Тана на Конгрессе американистов в 1930 г. В письме С.Ф. Ольденбургу он пишет, что когда было объявлено о конкурсе на место проведения форума в 1934 г., то он «сунул заявку от СССР и Ленинграда, и в частности, от Академии наук» [19, л. 11 об.].

Участие советских ученых в международных форумах поддерживалось советской властью избирательно. К примеру, в конце июня 1927 г. в самый разгар международной конференции славянских историков назад в СССР был отозван ленинградский историк Б.Л. Богаевский. Об этом курьезе пишет участник конференции — историк-эмигрант А.В. Флоровский в статье «Историческая конференция в Варшаве»: «При открытии конференции, однако, профессор Богаевский не присутствовал и вызов его для занятия места в президиуме и произнесения приветствия остался без ответа. На заседаниях конференции профессор Богаевский более не появился» [20, л. 9].

Причиной возвращения стало то, что ученый, вопреки официальной советской позиции⁵ не посещать организуемую Федерацией исторических обществ Восточной Европы конференцию, отправился на нее. Данное научное мероприятие, к слову, было создано по инициативе польских ученых и рассчитано на специалистов из славянских и неславянских стран,

⁵ Отношение советской власти к Варшавской конференции было опубликовано в центральных периодических изданиях — в «Известиях», «Правде» [21; 22].

изучавших проблемы «Восточной Европы и славянского мира» [23, с. 233]. Как следует из материалов советской печати, этот международный форум следовало считать ненаучным по ряду обстоятельств. Политические настроения оказали сильное влияние на формирование списка приглашенных участников конференции. Так, на мероприятие были приглашены отошедшие от научных изысканий, по мнению советских авторов, историки-эмигранты (в частности, в статьях называются фамилии П.Н. Милюкова, В.А. Мякотина, С.П. Мельгунова) [21, с. 2]. А вот ведущих специалистов в данной области из Германии, напротив, на конференцию не позвали. С последним не согласен А.В. Флоровский, он пишет, что на Варшавском форуме присутствовало четыре немецких историка [20, л. 9]. Кроме того, с точки зрения советского официоза, съезд являлась «отражением так называемого панславинизма», реакционной политической идеи, которая, ко всему прочему, использовалась «при подготовке войны 1914 года» [21, с. 2].

Материалы Комиссии позволяют воссоздать события, разворачивавшиеся накануне съезда. Так, за день до предполагаемого отправления советской делегации⁶ в Варшаву 23 июня 1927 г. Е.П. Воронов обращается в Иностранный отдел ОГПУ с просьбой «немедленно дать распоряжение о выдаче загранпаспортов» участникам [24, л. 61-61 об.]. Правда,

в справке, предоставленной А.И. Крилицкому, начальник ОНУ пишет о том, что «Академия наук не считает возможным принять какое-либо участие» в этом форуме, но комиссия пограничным командировкам дала разрешение на участие в конференции Б.Н. Богаевскому и А.Е. Преснякову [25, л. 62]. В срочном порядке в Ленинград была дана телеграмма об аннулировании этого разрешения, которая успела застать на месте только профессора Преснякова [25, л. 63]. Дальнейшее развитие событий читателю уже известно.

Другая ситуация с неприятным «послевкусием» от участия в конференции возникла у филолога Н.Ф. Яковлева⁷. В 1928 г. ученый принял участие в Международном конгрессе лингвистов в Гааге. После чего его отстранили от преподавания в университете. Также Главнаука отказала ему в компенсации затрат на командировку, поскольку эту поездку некоторые инстанции посчитали не просто «личным делом» профессора, отправившегося на «несанкционированный» научный форум, но и «нелояльным актом по отношению к советским ученым, высказавшимся за байкот» [27, л. 6]. Ученый обратился за помощью в дипломатическое ведомство. Реакцией НКВД стало письмо, написанное 23 мая 1928 г. в ряд учреждений (Наркомпрос, Главнаука, ОНУ СНК, РАНИОН) с разъяснениями, что командировка Н.Ф. Яковлева была одобрена НКВД

⁶ Первоначально, видимо, предполагалось командировать на конференцию Е.В. Тарле, М.Н. Лукина, В.И. Пичета [24, л. 61-61 об.].

⁷ Яковлев Николай Феофанович (1892–1974) — филолог-кавказовед, теоретик языкознания. В 1920-е гг. занимался разработкой грамматик кавказских языков. В исследовательской литературе зафиксировано, что Н.Ф. Яковлев поддерживал контакты с эмигрировавшими коллегами — Н.С. Трубецким, Р.О. Якобсоном, в том числе и личные во время заграничной командировки в Гаагу [26, с. 137-157].

и преследовала цель «поддержать протест советских ученых» [27, л. 6].

Бросается в глаза противоречивость формы выражения «бойкота с присутствием», вроде подглядывания из-за угла. Подобные акты, если не наносили раны, то явно не способствовали «затягиванию» уже имевшихся разрывов единого поля мировой науки, ставя таким образом национальные интересы выше идеи «мировой науки».

Несмотря на широкое определение полномочий Комиссии анализ источников позволяет заключить, что магистральным направлением ее деятельности стала организация зарубежных командировок лиц, причастных к Академии наук. На практике возникла проблема с воплощением решений данной институции в жизнь. Поскольку в 1920-е г. процедура решения вопроса о командировании за границу советских ученых не была строго регламентирована, и свое «да/нет» могли сказать: НКВД (если, скажем, поездка была нежелательна с дипломатической точки зрения, приведенные выше примеры с участие советских ученых в форумах как раз тому подтверждение), ОГПУ (в случае реального нарушения или потенциальной угрозы внутренней безопасности), Главнаука (в связи с необходимостью экономии средств, поскольку именно это ведомство финансировало поездки) и др. А какова в этом деле роль Комиссии содействия работам АН СССР?

В сентябре 1926 г. (спустя несколько месяцев после образования

Комиссии!) ее секретарь О.А. Крауш⁸ в докладной записке к А.С. Енукидзе фиксировала, что ленинградские власти отказывают «в выдаче заграничных паспортов лицам, командированным АН СССР с разрешения нашей комиссии» [29, л. 3]. Подобное положение дел, как полагает О.А. Крауш, имеет ряд негативных последствий. Во-первых, таким образом наносится удар как по имиджу советского государства, поскольку за границей неявко заявленного на конгресс советского делегата объясняют емкой фразой — «его не пустили», так и по установлению международных связей внутри научного сообщества. Во-вторых, это свидетельствует о дезорганизации работы структур, руководящих Академией наук. И последнее, сложившаяся ситуация делает «неясной роль комиссии, утверждающей эти командировки», превращая ее в «промежуточную инстанцию, роль которой неясна и необходимость неочевидна» [29, л. 3].

Спустя месяц Н.П. Горбунов обратился к А.С. Енукидзе с предложением предоставить Комиссии «права окончательного разрешения вопросов, связанных с заграничными командировками» [29, л. 2]. В январе 1927 г. А.С. Енукидзе обратился в ЦК ВКП(б), после чего Комиссия получила такое право, правда, в качестве эксперимента только на один год (т.е. на 1927 год). Однако действовало оно вплоть до конца 1928 г. [24, л. 18].

К этому времени уже сложилось разграничение полномочий власт-

⁸ О.А. Крауш (1902–1942) — востоковед, выпускница Восточного отделения Ленинградского Историко-Лингвистического Института по иранскому циклу (1932). В 1930-х гг. работала в ряде академических учреждений: Библиотеке АН СССР, Арабском кабинете Института Востоковедения [28].

ных структур. Например, без «мнения НКВД» относительно участия в конкретном научном форуме окончательное решение не принималось. По вопросам выдачи заграничных паспортов для разрешения выезда за пределы СССР обращались в ОГПУ, причем, как правило, эти обращения носили срочный характер и требовали неотложного решения.

Возникает вопрос о пределах автономии Академии наук в решении вопроса заграничных командировок ее членов. В декабре 1925 г. в связи с переводом Академии наук в ведение СНК СССР у ОГПУ возник вопрос, «может ли Академия непосредственно командировать своих сотрудников за границу или в каждом случае должна иметь санкцию Совнаркома» [30, л. 1]. Спустя месяц от Н.П. Горбунова поступил ответ, что решения по всем заграничным поездкам принимаются только с разрешения Правительства [30, л. 3]. В этих условиях немаловажную роль играла личность командированного, а также авторитет «просящего» за него ученого.

В фонде Комиссии содействия работам сохранились источники, содержащие списки сотрудников Академии с решением о «желательности/нежелательности» их командировок. Так, в Справках, датированных концом октября 1926 — январем 1927 гг., значится 27 фамилий, напротив каждой из них приведена краткая «политическая характеристика» [30, л. 74-75]. По существу, речь шла о выделении групп ученых по критерию политической лояльности. В первую группу вошли ученые с «чистой» характеристикой, «сведений о политической антисоветской деятельности» которых

не поступало. В нее вошли геолог Д.И. Щербаков, специалист в области электросварки В.П. Никитин, зоолог Б.С. Виноградов, востоковед М.И. Тубянский. Следующую группу составили «враждебно» настроенные к советской власти ученые. Представителей АН СССР подозревали в симпатии к правым/промонархическим взглядам. Среди них востоковед С.Ф. Ольденбург, минералог А.Е. Ферсман, филолог Е.Ф. Карский, минералог К.Д. Глинка, геохимик Б.Б. Польшов, химик В.Н. Ипатьев, литературовед Н.В. Измайлов, историк-византист В.Э. Регель, филолог Н.Я. Марр, физик П.П. Лазарев. В третью группу вошли ученые, имевшие «связь с белой эмиграцией». Это и «мировые ученые» — физиолог И.П. Павлов и химик Н.С. Курнаков, «выдающийся ученый» В.И. Вернадский, а также физик А.Е. Иоффе, биолог В.Л. Омелянский, историк Н.К. Никольский, филолог П.А. Лавров, историк С.Ф. Платонов, востоковед Е.Э. Бертельс, археолог С.И. Руденко, биолог С.П. Костычев. Несколько особняком в этом списке стоят литературовед, критик, Е.П. Казанович, которая подозревалась в связях «с лицами бывшего царствующего дома», и физик А.В. Шубников, замеченный в отношениях с фашистами.

Полагаем, что этот список был отправлен в силовые ведомства для уточнения. Наше предположение основано на сохранившемся в фонде Комиссии содействия работам АН СССР (ГАРФ. Ф. Р-8429) документе, датированном 10 мартом 1927 г., в котором приведен список «академиков, выезд коих за границу [с точки зрения — В.Г.] ОГПУ нежелателен» [31, л. 71-72]. В него вошли К.Д. Глинка,

Б.Б. Польнов, Е.Э. Бертельс, А.В. Шубников, С.И. Руденко, Е.П. Казанович, С.П. Костычев, В.И. Вернадский, В.Э. Регель. Как видим, биографии этих ученых были «запятнаны», с точки зрения Главного политического управления, совершенно разными связями, но личности, вероятно, одинаково не вызывали доверия. Примечательно, что «политическое досье» в этом случае определяющего значения не имело. В частности, находившийся в «уточненном» списке В.И. Вернадский был делегирован в Германию на «Неделю русских ученых и русской науки» (19–25 июня 1927) [7, с. 592]. Или, скажем, геологи К.Д. Глинка и Б.Б. Польнов участвовали в работе Первого Международного конгресса почвоведов, проходившего 11–13 июня 1927 г. в Вашингтоне [там же, с. 593].

«Политическая характеристика» Е.В. Тарле, составленная в конце 1927 г., далека от «образцово-советской» и пестрит фразами: «имеет связь с белыми эмигрантами», «настроен антисоветски», «собирает у себя на квартире собрания с целью группирования интеллигенцию», и как следствие, вердикт — «выезд за границу нежелателен» [31, л. 165]. И несмотря на все это в 1928 г. в Отделе научных учреждений СНК дважды возникал вопрос о командировании историка за границу⁹. Так, в апреле Е.В. Тарле получил четырехмесячную командировку в ряд европейских стран (Франция, Швеция,

Норвегия). Ученый смог посетить только Францию, где он должен был обменяться дубликатами архивных документов, хранящихся в Архиве Октябрьской революции, с французскими научными учреждениями. По одной из версий¹⁰, ухудшение состояния здоровья помешало Е.В. Тарле посетить проходивший в Осло VI Международный конгресс исторических наук (14–28 августа 1928), на который, к слову, он был делегирован от АН СССР [34, л. 93].

В декабре 1928 г. вопрос о заграничной поездке историка вновь поднимается, на этот раз поездка была рассчитана на трехмесячное пребывание во Франции и имела следующие цели: 1) «работа в Национальном архиве и архивах гг. Марселя, Лиона, Бордо, Сент-Этьена, Амьена для окончания исследования «Рабочий класс во Франции в первые времена машинного производства»; 2) «продолжение организации обмена книгами между архивом Октябрьской Революции и научными учреждениями Франции»; 3) «подготовка второго издания труда «Рабочий класс во Франции в эпоху Французской революции»» [31, л. 135-135 об.]. Однако грандиозные планы встретили сопротивление со стороны Комиссии по выездам за границу при ЦК ВКП(б), которая несколько месяцев рассматривала вопрос и в конце концов 15 мая 1929 г. отказала Е.В. Тарле в командировке [там же, л. 135-135 об.]. Правда, в 1929 г. историк все же

⁹ В предыдущие годы Е.В. Тарле неоднократно командировали за границу. Н.В. Гришина приводит следующие данные: в 1921 г. на 3 месяца в Англию; в 1924 г. на 3 месяца во Францию; в 1925 г. на 3 месяца во Францию; в 1926 г. на 3 месяца во Францию; в 1927 г. на 3 месяца во Францию [32, с. 33].

¹⁰ Версия принадлежит М.Н. Покровскому, участвовавшему в работе Международного конгресса исторических наук в Осло, и была озвучена в докладе на заседании Президиума Коммунистической академии 15 декабря 1928 г. [33].

удалось подышать «европейским воздухом», еще в марте он по приглашению Шведско-русского общества культурного сближения¹¹ посетил Стокгольм, где выступил с докладом на тему «Швеция и Россия накануне мировой войны» [14, л. 46-47]. Причем, подобное обращение в Отдел научных учреждений СНК поступило от Всесоюзного общества культурных связей с границей (ВОКС). В апреле 1929 г. Е.П. Воронову пришло письмо от этой организации, в котором отмечалось, что «блестящие результаты профессора Тарле лишние раз доказывают, что наши хлопоты по организации этой поездки, особенно в связи с получением валюты, целиком себя оправдали»¹².

Однако не всем ученым так «везло» с заграничными поездками, как Е.В. Тарле, и потому приходилось в «бои» за командировки включаться «академическим авторитетам». Например, осенью 1927 г. за ленинградского ученого-арабиста И.Ю. Крачковского, которому ОГПУ не выдавало заграничный паспорт для поездки в Швецию, вступился неперемный секретарь АН СССР. Безуспешная попытка убедить А.С. Енукидзе в «лояльности» академика к советской власти вынудила С.Ф. Ольденбурга

пойти на крайние меры — поставить ультиматум. Он заявил, что если «И.Ю. Крачковскому не будет выдан паспорт, то сам он подаст в отставку с поста неперемного секретаря, считая это выражением недоверия к нему правительства» [37, с. 131-132]. Вскоре И.Ю. Крачковский получил паспорт, но в командировку не поехал, то ли потому что его супруге не выдали паспорт, то ли потому что «самолюбие его задето, он не хочет ехать точно собака на привязи» [там же, с. 132].

Иная ситуация сложилась у ленинградского историка-археографа, ученого секретаря Постоянной историко-археографической комиссии (ПИАК) А.И. Андреева, который в течение нескольких лет безрезультатно добивался поездки за границу. В апреле 1929 г. снова было решено отложить его двухмесячную командировку в Германию и Францию, предполагавшую «изучение постановки дела научного издания исторических материалов в этих странах после 1918 г. и установления научных связей АН СССР с главнейшими археографическими учреждениями» [27, л. 24-24 об.; 23, л. 109]. В надежде повлиять на ход событий С.Ф. Платонов обращается в личном письме, датиро-

¹¹ Приглашение Е.В. Тарле выступить с докладом носило политический характер и имело цель — «реабилитацию» имиджа советского государства после «травли» в шведской прессе полпреда СССР в Швеции В.Л. Коппа. Выяснить более подробно, что это была за «травля», не удалось. Собственно, эту информацию мы знаем из письма Е.В. Тарле, адресованного начальнику IV отделения Секретного отдела НКВД А.Р. Стромину от 17 мая 1930 г. [35, с. 157]. Из других источников удалось установить, что в 1926–1927 гг. НКВД неоднократно обращался в дипломатическое ведомство Швеции с инициативой заключить договор о нейтралитете и ненападении. Однако попытки оказались безрезультатными, и Москва настроилась «на поддержание корректных отношений со Стокгольмом» [35].

¹² Приложением к этому письму шло адресованное председателю ВОКС О.Д. Каменовой от уполномоченного этой организации профессора А.М. Смирнова, датированное 2 апреля 1929 г. В данном источнике читаем: «благодаря приезду профессора Тарле сильно изменилось в благоприятную сторону отношение к нам наиболее враждебно настроенных членов Шведско-Русского Общества и что Шведско-Русское Общество, на ликвидации которого настаивал ряд влиятельных членов Общества, главным образом из торгово-промышленных кругов, сможет теперь спокойно продолжать свое существование» [14, л. 47-48].

ванном 24 апреля 1929 г., к Е.П. Воронову с просьбой командировать А.И. Андреева за границу [38]. При этом академик не скупится на комплименты младшему коллеге — «он один из самых даровитых (я могу даже сказать, исключительно талантливым) работник», «широко образованный историк, специализировавшийся на вопросах археографии, он после акад[емика] Лихачева первый у нас знаток этого дела исследования и издания исторических документов» [38, л. 1]. И более того С.Ф. Платонов ручается, что результаты командировки окажутся полезными не только для самого А.И. Андреева, но и для АН СССР, в которой он, по словам Сергея Федоровича, «главный работник» [38, л. 1 об.]. Возможно, речь идет о необходимости выполнять обязательства Академии наук перед Международным комитетом исторических наук (МКИН), членом которого она была с 1926 г. Комитет рассылал своим представителям циркуляры, в которых были намечены приоритетные направления «исторической работы». Как следует из документации ПИАК, к марту 1929 г. советские ученые выполняли лишь одно из них — «составление исторической библиографии» [39, л. 134]. Из следующего письма С.Ф. Платонова Е.П. Воронову, написанного 22 июня 1929 г., становится ясным, что надежды на протекцию со стороны СНК не оправдались, но было предложено попытаться удачу в следующем году [38, л. 2]. В «следующем» 1930 году А.И. Андреев окажется одним из фигурантов «академического дела», будет арестован и сослан в Красноярский край.

Подводя итог сказанному, отметим ряд особенностей деятельности

Комиссии содействия работам АН СССР в сфере организации международного сотрудничества. На протяжении всего исследуемого периода деятельность данной институции сопровождалась трудностями, вызванными слабой скоординированностью работы инстанций, так или иначе связанных с выездом граждан за границу. И как следствие последнего, опоздание советских ученых на международные научные форумы, задержка/невыдача паспортов, отказ в субсидировании командировки и др. Кроме того, институциональные «нестыковки» образовывали «лакуны» — островки свободы/несвободы. В таких условиях научные заслуги, мировое признание ученого перевешивали его «враждебное отношение» к советской власти, благодаря чему во второй половине 1920-х гг. возникали ситуации, когда академик с «невъездным» досье мог иметь несколько заграничных командировок в год. Таким образом в обозначенный период Академии наук удавалось сохранить автономию, правда, ее пределы значительно сужались и достигли своего «исторического минимума» в 1929–1931 гг.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Судьба проекта «Русская наука». 1916–1920 (К 100-летию Комиссии по изданию сборника «Русская наука»): Статьи и документы [Текст] / отв. ред. чл.-корр. РАН Ю.М. Батурич; ред.-сост. В.М. Орел, Г.И. Смагина. — СПб.; М.: Изд-во «Перо», 2016. — 848 с.
2. Актуальное прошлое: взаимодействие и баланс интересов Академии наук и Российского государства в XVIII – начале XX в. Очерки истории: в 2 кн. [Текст] / сост. и отв. ред. И.В. Тункина. — Кн. 2. — СПб.: «Реноме», 2018. — 1040 с.

3. *Дмитриев, А.Н.* От академического интернационализма — к системе национально-государственной науки [Текст] / А.Н. Дмитриев // Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны. — СПб.: «Нестор-История», 2007. — С. 32-55.
4. Уставы Российской академии наук. 1724–2009 [Текст]. — М.: Наука, 2009. — 367 с.
5. *Соболев, В.С.* Нести священное бремя прошедшего: Российская академия наук: Национальное культурное и научное наследие. 1880–1930 гг. [Текст] / В.С. Соболев. — СПб.: «Нестор-История», 2012. — 380 с.
6. *Брачев, В.С.* Укрощение строптивой, или как АН СССР учили послушанию [Текст] / В.С. Брачев // Вестник Академии наук СССР. — 1990. — № 4. — С. 120-127.
7. Летопись Российской Академии наук: В 4-х т. [Текст]. — Т. IV. 1901–1934. — СПб.: Наука, 2007. — 1051 с.
8. *Подвигина, Е.П.* Николай Петрович Горбунов [Текст] / Е.П. Подвигина // Н.П. Горбунов. Воспоминания, статьи, документы. — М.: Наука, 1986. — С. 3-41.
9. *Россиянов, К.О.* Н.П. Горбунов и организация советской науки (интервью К.О. Россиянова с А.Н. Горбуновым) [Текст] / К.О. Россиянов // Вопросы истории естествознания и техники. — 2004. — № 3. — С. 89-102.
10. *Кольцов, А.В.* Развитие Академии наук как высшего научного учреждения СССР. 1926–1932 [Текст] / А.В. Кольцов. — Л.: Наука, 1982. — 280 с.
11. *Тасиц, Н.А.* Научная политика СССР в 1927–1941 гг. [Текст] / Н.А. Тасиц // Расписание перемен: Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи — СССР (конец 1880-х – 1930-е годы). — М.: Новое литературное обозрение, 2012. — С. 564-592.
12. Советско-германские научные связи Веймарской республики [Текст]. — СПб.: Наука, 2001. — 366 с.
13. *Ольденбург, С.Ф.* Вопрос о международных научных объединениях [Текст] / С.Ф. Ольденбург // Научный работник. — 1925. — № 1. — С. 123-134.
14. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). — Ф. Р-8429. — Оп. 1. — Д. 119.
15. ГАРФ. — Ф. Р-8429. — Оп. 1. — Д. 117.
16. Академик С.Ф. Платонов: Переписка с историками: В 2 т. [Текст] / отв. ред. С.О. Шмидт. — Т. I: Письма С.Ф. Платонова, 1883–1930 / сост. В.Г. Бухерт. — М.: Наука, 2003. — 388 с.
17. *Непомнящий, А.А.* «Быть в курсе Ваших крымских планов...»: из истории кривомоведения по переписке Ф.А. Брауна и С.Ф. Платонова [Текст] / А.А. Непомнящий // Пространство и время. — 2016. — № 1-2. — С. 177-192.
18. РНБ ОР (Российская национальная библиотека. Отдел рукописей). — Ф. 585. — Ед. хр. 1751.
19. Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук (СПФРАН). — Ф. 208. — Оп. 3. — Д. 67.
20. Архив Российской Академии наук (РАН). — Ф. 1609. — Оп. 1. — Д. 17.
21. *Борецкий, А.* Съезд историков в Варшаве [Текст] / А. Борецкий // Известия. — 1927. — 26 июня. — № 143. — С. 2.
22. *Покровский, М.* Панславизм на службе империализма [Текст] / М. Покровский // Правда. — 1927. — 26 июня. — № 142. — С. 1.
23. *Аксенова, Е.П.* Федерация исторических обществ Восточной Европы и русские ученые-эмигранты [Текст] / Е.П. Аксенова // Славянский альманах: 2013. — М.: Издательство «Индрик», 2014. — С. 232-250.
24. ГАРФ. — Ф. Р-8429. — Оп. 1. — Д. 115.
25. ГАРФ. — Ф. Р-8429. — Оп. 1. — Д. 114.
26. *Алпатов, В.М.* Языковеды, востоковеды, историки [Текст] / В.М. Алпатов. — М.: Языки славянских культур, 2012. — 376 с.
27. ГАРФ. — Ф. Р-8429. — Оп. 1. — Д. 53.
28. Краш Ольга Александровна [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.orientalstudies.ru> (дата обращения: 06.03.2019).
29. ГАРФ. — Ф. Р-8429. — Оп. 1. — Д. 9.
30. ГАРФ. — Ф. Р-8429. — Оп. 1. — Д. 110.
31. ГАРФ. — Ф. Р-8429. — Оп. 1. — Д. 116.
32. *Гришина, Н.В.* «...Возможность проехаться и подышать западноевропейским воздухом»: взаимоотношения науки и власти в сфере заграничных командировок в 1920-е гг. [Текст] / Н.В. Гришина //

- Вестник Томского университета. История. — 2018. — № 51. — С. 28-36.
33. Покровский, М.Н. О поездке в Осло [Текст] / М.Н. Покровский // Вестник Коммунистической академии. — 1928. — № 30. — С. 231-237.
 34. СПФ АРАН. — Ф. 133. — Оп. 1. — Д. 1224.
 35. Брачев, В.С. «Травля» русских историков [Текст] / В.С. Брачев. — М.: Изд-во Алгоритм, 2006. — 640 с.
 36. Кен, О.Н., Рупасов, А.И. СССР, Швеция и коллективная безопасность [Текст] / О.Н. Кен, А.И. Рупасов // Исторические записки. — 2005. — № 8. — С. 195-237.
 37. Каганович, Б.С. Начало трагедии (Академия наук в 1920-е годы по материалам архива С.Ф. Ольденбурга) [Текст] / Б.С. Каганович // Звезда. — 1994. — № 12. — С. 124-144.
 38. РНБ ОР. — Ф. 585. — Ед. хр. 1738.
 39. СПФ АРАН. — Ф. 133. — Оп. 1. — Д. 1200.
- REFERENCES**
1. *Akademik S.F. Platonov: Perepiska s istorikami*, Vol. 1, Pisma S.F. Platonova, 1883–1930, Moscow, Nauka, 2003. (in Russian)
 2. Aksenova E.P., Federatsiya istoricheskikh obshchestv Vostochnoy Evropy i russkie uchenye-emigranty, in: *Slavyanskiy almanakh, 2013*, Moscow, Indrik, 2014, pp. 232-250. (in Russian)
 3. *Aktualnoe proshloe: vzaimodeystvie i balans interesov Akademii nauk i Rossiyskogo gosudarstva v XVIII – nachale XX v. Ocherki istorii*, Vol. 2, Saint-Petersburg, Renome, 2018. (in Russian)
 4. Alpatov V.M., *Yazykovedy, vostokovedy, istoriki*, Moscow, Yazyki slavyanskikh kultur, 2012. (in Russian)
 5. ARAN, Fund 1609, Opis 1, Delo 17. (in Russian)
 6. Boretskiy A., Sezid istorikov v Varshave, *Izvestiya*, 1927, 26 iyunya, No. 143, p. 2. (in Russian)
 7. Brachev V.S., *“Travlya” russkikh istorikov*, Moscow, Algoritm, 2006. (in Russian)
 8. Brachev V.S., Ukroshchenie stroptivoy, ili kak AN SSSR uchili poslushaniyu, *Vestnik Akademii nauk SSSR*, 1990, No. 4, pp. 120-127. (in Russian)
 9. Dmitriev A.N., “Ot akademicheskogo internatsionalizma k sisteme natsionalno-gosudarstvennoy nauki”, in: *Nauka, tekhnika i obshchestvo Rossii i Germanii vo vremya Pervoy mirovoy voyny*, Saint-Petersburg, Nestor-Istoriya, 2007, pp. 32-55. (in Russian)
 10. GARF, Fund R-8429, Opis 1, Delo 9. (in Russian)
 11. GARF, Fund R-8429, Opis 1, Delo 53. (in Russian)
 12. GARF, Fund R-8429, Opis 1, Delo 110. (in Russian)
 13. GARF, Fund R-8429, Opis 1, Delo 114. (in Russian)
 14. GARF, Fund R-8429, Opis 1, Delo 115. (in Russian)
 15. GARF, Fund R-8429, Opis 1, Delo 116. (in Russian)
 16. GARF, Fund R-8429, Opis 1, Delo 117. (in Russian)
 17. GARF, Fund R-8429, Opis 1, Delo 119. (in Russian)
 18. Grishina N.V., “...Vozmozhnost proekhatiya i podyshat zapadnoevropeyskim vozdukhom”: vzaimootnosheniya nauki i vlasti v sfere zagranichnykh komandirovok v 1920-e gg., *Vestnik Tomskogo universiteta. Istoriya*, 2018, No. 51, pp. 28-36. (in Russian)
 19. Kaganovich B.S., Nachalo tragedii (Akademiiya nauk v 1920-e gody po materialam arkhiva S.F. Oldenburga), *Zvezda*, 1994, No. 12, pp. 124-144. (in Russian)
 20. Ken O.N., Rupasov A.I., SSSR, Shvetsiya i kollektivnaya bezopasnost, in: *Istoricheskie zapiski*, No. 8, 2005, pp. 195-237. (in Russian)
 21. Koltsov A.V., *Razvitie Akademii nauk kak vysshego nauchnogo uchrezhdeniya SSSR. 1926–1932*. Leningrad, Nauka, 1982. (in Russian)
 22. *Kraush Olga Aleksandrovna*, available at: <http://www.orientalstudies.ru> (accessed: 06.03.2019). (in Russian)
 23. *Letopis Rossiyskoy Akademii nauk*. Vol. IV, 1901–1934, Saint-Petersburg, Nauka, 2007. (in Russian)
 24. Nepomnyashchiy A.A., “Byt v kurse Vashikh krymskikh planov...”: iz istorii krymove-deniya po perepiske F.A. Brauna i S.F. Platonova, *Prostranstvo i vremya*, 2016, No. 1-2, pp. 177-192. (in Russian)

25. Oldenburg S.F., Vopros o mezhdunarodnykh nauchnykh obedineniyah, *Nauchnyy rabotnik*, 1925, No. 1, pp. 123-134. (in Russian)
26. Podvigina E. P., "Nikolaj Petrovich Gorbunov", in: N.P. Gorbunov. *Vospominaniya, stati, dokumenty*, Moscow, Nauka, 1986, pp. 3-41.
27. Pokrovskiy M., Panslavizm na sluzhbe imperializma, *Pravda*, 1927, 26 iyunya, No. 142, p. 1. (in Russian)
28. Pokrovskiy M.N., O poezdke v Oslo, *Vestnik Kommunisticheskoy akademii*, 1928, No. 30, pp. 231-237. (in Russian)
29. *RNB OR*, Fund 585, Edinica hraneniya, 1738. (in Russian)
30. *RNB OR*, Fund 585, Edinica hraneniya, 1751. (in Russian)
31. Rossiyanov K.O., N.P. Gorbunov i organizatsiya sovetskoy nauki (intervyu K.O. Rossiyanova s A.N. Gorbunovym), *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki*, 2004, No. 3, pp. 89-102. (in Russian)
32. *SPFARAN*, Fund 133, Opis 1, Delo 1200. (in Russian)
33. *SPFARAN*, Fund 133, Opis 1, Delo 1224. (in Russian)
34. *SPFARAN*, Fund 208, Opis 3, Delo 67. (in Russian)
35. Sobolev V.S., *Nesti svyashchennoe bremya proshedshego: Rossiyskaya akademiya nauk: Natsionalnoe kulturnoe i nauchnoe nasledie. 1880–1930 gg.*, Saint-Petersburg, Nestor-Istoriya, 2012. (in Russian)
36. *Sovetsko-germanskie nauchnye svyazi Veymarskoy respubliky*, Saint-Petersburg, Nauka, 2001. (in Russian)
37. *Sudba proekta „Russkaya nauka“. 1916–1920 (K 100-letiyu Komissii po izdaniyu sbornika „Russkaya nauka“): Stati i dokumenty*, Saint-Petersburg, Moscow, Pero, 2016. (in Russian)
38. Tasits N.A., Nauchnaya politika SSSR v 1927–1941 gg. In: *Raspisanie peremen: Ocherki istorii obrazovatelnoy i nauchnoy politiki v Rossiyskoy imperii — SSSR (konets 1880-kh-1930-e gody)*, Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012, pp. 564-592. (in Russian)
39. *Ustavy Rossiyskoy akademii nauk. 1724–2009*, Moscow, Nauka, 2009. (in Russian)

Груздинская Виктория Сергеевна, аспирантка, кафедра современной отечественной истории и историографии, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, vik11910314@yandex.ru

Gruzdinskaya V.S., Post-Graduate Student, Department of the Contemporary Russian History and Historiography, Dostoevsky Omsk State University, vik11910314@yandex.ru